

УТВЕРЖДАЮ:

Ректор ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,
доктор психологических наук,
профессор

Д.А. Циринг

08 2018 г.

Официальный отзыв
ведущей организации ФГБОУ ВО «Челябинский государственный
университет» о диссертации Тихонова Виталия Витальевича «Советская
историческая наука в условиях идеологических кампаний
середины 1940-х – начала 1950-х годов» (Москва, 2018),
представленной на соискание ученой степени доктора исторических
наук
по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Представленная диссертация, несомненно, обращена к внушительной совокупности актуальных проблем современной историографии по заданной В.В. Тихоновым теме¹. Но избрав предметом диссертации изучение влияния на корпорацию историков идеологических кампаний и дискуссий (с. 7), организованных в драматический период «позднего сталинизма», автор создал для себя непростую историографическую ситуацию. Прямой и косвенный интерес в современной историографии к проблематике, рассматриваемой соискателем, уже породил разнообразие научных мнений, несовпадающих подходов, контрастирующих оценок явлений советской исторической науки изучаемого времени. Поэтому немаловажным «тактическим» моментом для соискателя стал выбор собственной исследовательской «территории» в контексте уже предпринятых в историографическом пространстве шагов по изучению смежных и пересекающихся проблем и сюжетных линий. Перед соискателем, как историографом, вставала и совокупность вопросов методологической и аксиологической природы. В частности – о выработке собственного концептуального видения состояния историко-научной сферы знания исследуемого

¹ Замечания, критические ремарки в адрес содержания диссертации, вопросы к соискателю авторами отзыва размещены «внутри» его текста в алгоритме анализа структурных ее частей. Для удобства ознакомления с ними они выделены курсивом.

периода, особенностей источниковой основы подобных аспектов истории науки, поисков новых методологических подходов для ответов на вопросы, которые еще требуют научного переосмысления.

Существенное значение для понимания творческого замысла В.В. Тихонова приобретает Введение диссертации, в котором он обосновывает свою научную позицию и включает элементы оценочных суждений, определивших его научный поиск. Имея в виду современную историографическую ситуацию, автор подчеркивает, что при всем интересе к избранному им периоду советской исторической науки не было создано специального труда, посвященного теме идеологических кампаний и дискуссий (с. 6, 27). Представленный историографический обзор (с. 9-28) отличается детализированной характеристикой комплекса исследований, близких его проблематике, и акцентуацией особенностей научных подходов и концептуальных версий конкретных ученых. Обобщая итоги историографических наблюдений, диссертант констатирует многогранность изучаемой темы, породившей эффект незавершенности в области выявления и использования реально имеющихся комплексов источников (в частности, отложившихся в архивных фондах), а также – лакуны в современном исследовательском поле ее изучения.

Но выразительность совокупной целостности и индивидуальных характеристик трудов предшественников, не сопровождается, к сожалению, авторскими попытками более рационального структурирования изучаемого историографического пространства. Более обоснованным, по мнению авторов отзыва, мог быть подход (метод), нацеленный на процедуру типологизации исторических версий и методологий историков, причастных к исследовательской проблематике соискателя.

В.В. Тихонов представил убедительную презентацию источниковой основы (с. 28-34) и дал обоснование методологических принципов исследования (с. 34-45), акцентируя внимание на необходимости изучения институциональной составляющей исторической науки в органичном сочетании с социальными факторами и антропологическим подходом. *Но необходимо отметить, что в работе нет анализа важной научной структуры – Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Возникает вопрос, почему автор не обратил свое внимание на документальные комплексы соответствующего архива с целью изучения деятельности историков партии, которые в первую очередь должны были реагировать на идеологические изменения.*

Предваряя свои конкретно-историографические выводы, В.В. Тихонов уже в данном разделе отчасти резюмирует свои наблюдения, фиксируя, в частности, определенную автономию научного сообщества советских историков изучаемого времени, которое «не встроилось окончательно в партийно-государственную систему» (с. 37-38). *Подобный пассаж, конечно, можно принять, но все же его место в заключительных структурных разделах диссертации.*

В своей работе автор диссертации отмечает: Тесная связь научной среды с властью, борьба за ограниченные ресурсы, особенности функционирования научно-исторического сообщества – все это было обыденностью и частью карьерного пути советского ученого-историка. К счастью, для настоящих ученых это не являлось единственной реальностью, поскольку главным для них оставались знание и научное творчество» (с. 44). В таком случае необходимо указать критерии, по которым, автор разделяет «настоящих» и «ненастоящих» ученых. Можно ли рассматривать тех историков, которые писали свои работы исходя из текущей линии партии как «настоящих» ученых?

Некоторые вопросы оставило содержание той части Введения, где обосновывается новизна диссертации. Нельзя не заметить, что лаконичный текст этого обоснования (с. 45) не выглядит удачным по перечисленным параметрам. В частности, требует дополнительного пояснения фраза: «... по-новому показывается влияние идеологии на конкретно-исторические исследования». Позиционирование новизны фактом «комплексного применения современных теоретико-методологических подходов» также требует уточнения авторской позиции.

Структура диссертации в целом логична, будучи ориентированной на решение поставленных задач (с. 8) и презентацию выдвинутых «основных положений» (с. 46-49), которые аккумулируют ведущие концептуальные идеи и дают представление об ожидаемых итоговых обобщениях автора.

Первая глава, представляя широкий хронологический диапазон явлений науки «в контексте сталинской политической системы», производит впечатление своеобразного вводного раздела диссертации, дающего стартовую возможность более основательно погрузиться в основную проблематику периода «позднего сталинизма» уже в последующих главах. Данная глава, по сути, содержит в себе обобщение сложившегося исследовательского опыта в изучении взаимодействия историко-научной корпорации и сферы исторических знаний с властными структурами довоенного и военного периодов. Некоторая дискретность структурирования данной главы, состоящей из 10-ти параграфов, опора преимущественно на свидетельства источников личного происхождения и данные научных исследований определенным образом подчеркивают ее вводное предназначение. Вероятно, поэтому соискатель иногда продолжает в ней сюжеты историографического и общеметодологического характера, пытаясь, например, раскрыть тонкие различия между такими понятиями, как «идеологические кампании» и «идеологические дискуссии», а также интерпретировать стоящие за ними смыслы и формы политико-идеологических действий власти по отношению к исторической науке (с. 66-73).

Но при этом диссертант не предложил специальных развернутых определений таким базовым понятиям диссертации, как «идеологическая кампания», «идеологическая дискуссия», «политико-идеологическое дело». В контексте своих рассуждений он зачастую ограничивается некими

характеристиками идеологических кампаний, видя в них «интенсивную серию мероприятий советской власти, нацеленных на утверждение нужных идеологических постулатов» (с. 67). Такое понимание данного феномена, на наш взгляд, является формальным, не позволяющим раскрыть его суть. Исходя из этого понимания, идеологическими кампаниями можно считать любые крупные действия власти, связанные с идеологией. Например – празднование 30-летнего юбилея Революции и 800-летия Москвы в 1947 году. Очевидно, что эти два события были связаны с воздействием на коллективную память советского общества и были призваны утвердить нужные историко-идеологические установки. В таком случае, почему автор не рассматривает и их как идеологические кампании?

Помимо присутствующей терминологической неясности автор не всегда раскрывает логику развертывания кампаний. В частности, недостаточным выглядит анализ процесса зарождения и хода кампаний до момента вовлечения в них представителей историко-научного сообщества. Обильный фактический материал не сопровождается серьезными попытками подвергнуть систематизации/классификации эти политико-идеологические явления. Например, в работе отмечается: «Кампании <...> можно разделить на проходящие “по известным правилам” или “без правил”» (с. 69). Можно было бы признать такую классификацию рабочей, но в рамках данного суждения остается не ясным, кто вырабатывал правила кампаний, как они становились известны участникам и т.д.

Вместе с тем соискатель успешно реализует в этой главе взятый им курс на освещение атмосферы идеологических кампаний не только с позиций «взгляда» официальных органов, но и с учетом настроений корпоративной среды историков. Этим, очевидно, объясняется подчеркнутый интерес к источникам личного происхождения. С позиций военно-исторической антропологии он в этом же контексте пытается распознать облик особой категории лиц в науке – историков-фронтовиков с их неоднозначной амбивалентной психологией и идеологией (с. 106-109). В разнообразных пассажах главы автор центрирует внимание на фигуре Сталина – как политико-идеологического игрока и «главного историка». Сюжет о внутрикорпоративных конфликтах подводит читателя к глубоко драматичному выводу автора о том, что обозначенные им явления 1930-1940-х гг. «являлись плодородной почвой для погромов в годы идеологических кампаний» (с. 155).

В целом же заданный характер главы, вполне логичной для данной диссертации, но ориентированной на широкое использование наблюдений и выводов различных исследователей, все же не содействовал выражению сугубо самостоятельной авторской позиции по представленным сюжетным линиям.

Вторая глава диссертации открывает нижнюю хронологическую границу послевоенного («позднего») сталинизма. Два ее параграфа детализируют постепенный, но быстро набирающий силу процесс развертывания новой череды репрессивных практик в специфических формах журнальной критики, партийных собраний и «судов чести». Дело КР, как убедительно показывает автор, формирует некий идеологический контекст организации курса, направленного на политику

государственного, культурного и научного изоляционизма в форме борьбы с «низкопоклонством», что непосредственным образом сказалось на судьбах историков и их исследований. Опираясь на журнальную периодику научного и общественно-политического профиля, делопроизводственную документацию историко-научных институций, автор раскрывает процесс зарождения и развития послевоенного витка новой «идеологической горячки».

Третья и четвертая главы посвящены рассмотрению кампаний по борьбе с «буржуазным объективизмом» и космополитизмом в науке. Автор, сравнивая две кампании, приходит к аргументированному выводу, что, несмотря на зловещий характер первой из них, борьба с «безродными космополитами» была более агрессивной с явно выраженным антисемитским подтекстом. Именно ее проникновение в советскую историческую науку стало «отправным пунктом полномасштабного запуска маховика проработок, которые до того лишь по касательной задевали историческую науку» (с. 201). Не вызывает возражений и замечание соискателя, что вторая кампания была в ряде аспектов продолжением первой; обвинения в преклонении перед Западом звучали и в 1948 г. Характеризуя ход борьбы с «буржуазным объективизмом» в сфере исторической науки, автор неоднократно проводит параллели с другими областями научного знания. Антикосмополитическая кампания предстает как политическая ситуация, преимущественно спроецированная на корпорацию историков. Наиболее сильными сюжетами этой части диссертации, на наш взгляд, являются параграфы 4.14 и 4.15, в которых соискатель предлагает классификацию стратегий поведения участников кампании, рассуждает об их функциях для организаторов, исполнителей, рядовых участников и наблюдателей, а также анализирует отражение кампаний в корпоративной памяти российских историков. Не вызывает возражений вывод автора о причинах отсутствия в памяти корпорации воспоминаний о событиях 1930-х годов, в то время как послевоенные годы долгое время существовали в живой памяти корпорации. События последних десятилетий «сталинского режима» оказались неоднократно запечатлены в мемуарной литературе, анализируя которую В.В. Тихонов приходит к убедительным выводам о том, она представляет феномен «присвоения памяти», что породило «мемуарные войны» историков. Интересны наблюдения автора о явных попытках создателей источников личного происхождения сгладить прошлое корпорации с целью поддержания мифа об учителях, этосе науки, частью которого является долг служения ученого высоким научным идеалам. Эти акценты вытесняют из мемуаристики тему участия ученых в нелегальных «проработках» в ходе различных идеологических кампаний.

Пятая глава дает возможность увидеть реализацию антропологического, а также биоисториографического подходов благодаря заданному ракурсу взгляда на идеологические кампании через судьбы отдельных личностей. Опираясь, в частности на истории Софьи Фейгиной и Евгения Луцкого, автор стремится продемонстрировать конкретику развития идеологических кампаний. В.В. Тихонов показывает, как в рамках научных биографий советских историков «вписана» борьба

с «буржуазным объективизмом». Он прослеживает, каким образом развивались события и как действовали конкретные ученые в специфических условиях советской научной повседневности. В результате автор резюмирует, что «проработки» в рамках кампаний и критика историков не означали моментальной реакции возникновения остракизма ученых, поскольку одновременно «работали» различные социальные связи. Это позволяло человеку выбирать тактики действия и снизить негативный эффект. В.В. Тихонов отмечает, что корпорация историков позволяла дать новый шанс жертве кампаний.

Помимо этого, в главе изучается феномен «маленького человека» как важной фигуры идеологических кампаний. «Маленькие люди» выступали оружием властей, поскольку создавали ситуации, когда критика шла не «сверху», а «снизу», то есть от народа. В качестве примера автором используется история Хорена Аджемьяна, Ивана Мордвишина и Полины Осиповой, которые не являлись известными историками, но выступали своеобразными провокаторами высказывая мысли, не соответствовавшие идеологическому мейнстриму эпохи, тем самым подрывая авторитет многих специалистов.

Данная глава диссертации, насыщенная интересным материалом, больше выиграла, если бы автор обратился к использованию микроисторического подхода. Внимательное изучение контекста, выявление деталей, которые могут ускользать в рамках больших обобщений, делает микроисторию важным методологическим инструментом в арсенале исследователя. В данном же случае автор в большей степени следует за источниками, которые диктуют ему логику повествования, и он воссоздает основные линии судеб своих героев на их основе, но при этом не делает следующего шага, свойственного микроисторикам, не вскрывает логику и смыслы, которые стоят за действиями людей.

Шестая глава вписывает историческую науку в широкий контекст идеологических дискуссий вокруг XIX съезда партии. Автор подчеркивает различия между идеологическими кампаниями и идеологическими дискуссиями, основным критерием которых выступает область применения той или другой их формы. Он анализирует своеобразный «лингвистический поворот» позднесталинской исторической науки, когда после публикации известной статьи Иосифа Сталина последовал разгром марризма. В свою очередь это потребовало от историков пересматривать ряд положений, которые были связаны с новым учением о языке. Наиболее ярко это вылилось в необходимость научно обосновать утверждение Иосифа Сталина о том, что русский язык происходит из курско-орловского диалекта. В центре внимания диссертанта оказывается известная фигура Бориса Рыбакова, благодаря работе которого над идеологическим заказом, он усиливает свое положение в исторической корпорации.

Схожая ситуация, показывает диссертант, сложилась и после XIX съезда, когда высказанные И. Сталиным идеи становятся основой новых исторических исследований. Это явилось новым вызовом исторической корпорации, на который надо было оперативно отреагировать. В результате начался процесс смены

руководства ряда академических структур, что становится почвой для создания конфликтных ситуаций в корпорации научного сообщества.

Но, к сожалению, за бортом исследования оказываются интересные сюжеты о процессе формирования исторических взглядов Сталина, по поводу чего возникают некоторые вопросы. Например, почему «вождь народов» выбрал именно курско-орловский диалект родоначальником русского языка? Сохранились ли какие-либо источники относительно формирования его взгляда на языкознание и конкретные его аспекты, к которым он апеллировал? Был ли Сталин единственной фигурой, на вызовы которого должны были реагировать историки? Имели ли представители партийно-государственного аппарата возможность также влиять на формирование исторических нарративов?

Седьмая глава посвящена развитию историографии в позднесталинский период. В ней В.В. Тихонов высказывает ряд очень интересных суждений. В частности, процесс дисциплинарно-институционального развития историографии он увязывает со специфической функцией, которая ей определялась в период «позднего сталинизма». По наблюдению автора историография как дисциплина и направление в науке наделялась своеобразными цензорско-контролирующими функциями, нацеленными на соблюдение в исторической науке политико-идеологической ориентации и соответствующие этому – оценки исторических исследований. При этом создавалась некоторая идеологическая неопределенность. Заметное возвращение к дореволюционному наследию на этом этапе требовало от историков не просто клеймить дореволюционных коллег как дворянских или буржуазных историков, что отмечает диссертант, но и по-новому воспринимать их работы. *В данном случае, по мнению авторов отзыва, уместно было опереться на концепцию «полезного прошлого» хорошо известного автору Д. Бранденбергера.*

Помимо контроля научной деятельности историков с помощью историографии как формы «мягкой силы» со стороны власти подобную роль играла и Сталинская премия, которой награждали отдельных историков. Анализ практик награждений исторических исследований позволил автору диссертации убедительно открыть ряд особенностей взаимодействия власти и исторического сообщества. Важным наблюдением В.В. Тихонова можно считать замеченную им тенденцию: большинство книг, которые получили премию, касались древних периодов истории, а новейшей истории и советскому периоду в работах, номинированных на данную премию, уделено мало внимания.

Вместе с тем не очень удачно выбран подход к презентации результатов этой части исследования. Обладая большим материалом, автор, во-первых, структурирует его исключительно по хронологическому принципу, не прибегая к методу типологизации. В результате в изложении истории присуждений Сталинской премии превалируют факты, а аналитика играет второстепенную роль. Во-вторых, сомнение вызывает высказанное автором мнение, что работы, получившие Сталинскую премию, являются репрезентативным комплексом исторической науки того времени (с. 540). Можно согласиться, что невозможно

подвергнуть изучению все книги и статьи с 1945 по 1953 гг. Но осуществлять выборку научных работ, удостоенных высшей государственной награды, считая их репрезентативной совокупностью, это то же, что при анализе личного состава исторической корпорации изучать только академиков.

Подводя самые общие итоги, заметим, что автор, осуществив огромную исследовательскую работу и с учетом историографической ситуации в изучении поставленных проблем, стремился занять позицию исследователя, ищущего «золотую середину» в понимании процессов изучаемого драматического для науки времени и оценок существующих концепций. Ведь пережитая обществом и наукой эпоха слишком сложна для однозначных оценок. Взятый автором курс на социально-антропологическую методологию в изучении темы, попытки уловить поведенческие мотивации ученых в ситуации идеологических кампаний, разработка ряда сюжетов, проходивших прежде мимо внимания ученых, несомненно, вносят существенный вклад в современную историографию проблемы. Но, видимо, в изучении прошлого, в том числе науки, никогда нельзя поставить «последнюю точку». Например, В.В. Тихонов пытался решить принципиальный вопрос, который все же не находит своего ответа: насколько сталинская историческая наука была собственно наукой, а в какой – инструментом для идеологии. Когда он указывает, что есть «настоящие ученые», то можно предположить, что автор может выделить и «ненастоящих ученых» среди историков того времени. Тогда логично ожидать, что следовало выделить критерии или алгоритм, которые бы позволили осуществить это «отделение» и провести границу между идеологией и научным творчеством. Но когда дочитываешь работу, эти ожидания до конца оказываются не реализованными, оставляя их открытыми для дальнейших исследований. На наш взгляд, проделанный научный поиск соискателя как раз открывает новые горизонты в изучении выдвинутой проблематики.

Безусловно, рецензируемая диссертация, текст и идеи которой вполне представлены и в автореферате, написана на высоком профессиональном уровне. Диссертант ввел в научный оборот целый комплекс неизвестных ранее источников, подвергнув их оригинальным интерпретациям в соответствии с задачами работы. Полагаем, что исследование «Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов» соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 21.04.2016), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор – Виталий Витальевич Тихонов – достоин присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Отзыв составлен коллективом ученых Челябинского государственного университета – доктором исторических наук, профессором Наталией Николаевной Алеврас, кандидатом исторических наук, доцентом Натальей Владимировной Гришиной, кандидатом исторических наук, доцентом Александром Александровичем Фокиным, представляющим кафедру истории России и зарубежных стран. Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры: протокол № 01 от 28 августа 2018 г.

Заведующий кафедрой истории
России и зарубежных стран

17 1

С.А. Баканов, доктор
исторических наук, доцент

454084 г. Челябинск, пр. Победы, 162В, 112

E-mail: chelhist@mail.ru

Телефон: (351)799-70-15

исполнитель

дом